

Выбирая песню, Чжун Синжань случайно услышал эту композицию под названием Рассеивая летний зной.

Уходящее лето и наступающая зима, переплетенные с нежными словами, а также вступление, состоящее из цифр 12.26, — всё это недвусмысленно указывало на то, кому посвящена эта песня.

Он выбрал её не только из-за трогательной и изящной мелодии, но и потому, что одна из строк идеально подходила к теме этого выпуска.

— Ты — та упавшая в мои объятия падающая звезда, что прогнала прочь одиночество целого необитаемого острова.

Чжун Синжань притащил табурет, уселся на него и тихо запел под аккомпанемент.

Ночное небо южного острова раскинулось необъятным шатром: сине-черная бездна сливалась у самого горизонта с гладью моря, а звезды были рассыпаны по краю света, словно белые камни на гоночной доске.

Шум прибоя, смешанный с криками чаек и переборами гитарных струн, разливался вокруг, разрастаясь, подобно безумным побегам дикого винограда, и струясь, подобно песчинкам.

Вэнь Цзинян никогда еще так глубоко не ощущал очарование музыки. Оказывается, чей-то голос способен проникать прямо в душу и в то же время таить в себе безмятежную глубину спокойных вод.

Выражение лица Чжуна Синжана было таким, будто он шепчется с возлюбленной, а в его дерзких чертах проступила редкая для будничных дней нежность.

Он действительно очень любит музыку, — подумал Вэнь Цзинян.

Песня смолкла. На площадке на мгновение воцарилась тишина, сменившаяся громовыми аплодисментами.

Бай Хуа подперла подбородок рукой и вздохнула: Какая чистая песня о любви! Больше всего на свете я боюсь, когда рокеры поют о любви — кто вообще способен это выдержать?

Ся Фэй закрыла лицо руками: Я... я уже превратилась в его золотую фанатку, прямо сейчас пойду куплю штук десять альбомов, буду слушать потихоньку.

Лу Цяньсуй и вовсе напрямую перевоплотился в маленького фаната: семена ножками, он подошел к столу, разделил стоявшую там композицию на две части и одну отдал Чжуну

Синжаню, а вторую — Вэнь Цзиняну.

После того как они сошли со сцены, настала очередь скетча Лу Цяньсуя и Бай Хуа.

Эти двое словно родились заклятыми врагами — они так рассмешили зрителей, что те животы надрывали.

Когда костер подошел примерно к середине, Му Сюйжу вклинился в разговор: На самом деле, есть еще одна важная причина, почему мы сегодня проводим вечер на открытом воздухе. Съёмочная группа заранее ознакомилась с прогнозом обсерватории: говорят, сегодня ночью будет метеорный поток Персеиды, что как нельзя лучше совпадает с темой нашего выпуска — Островные падающие звезды.

Неужели правда будет звездный дождь? Режиссер Му большой мастак придумывать развлечения! — наперебой закричали все.

Летающие комментарии:

□Персеиды также называют Луком Персея или Небесным Кораблем, с Андромедой связана красивая история любви. Режиссер Му недаром выпускник китайского факультета Чжунсанского университета.□

□Это же безумно романтично! Можно загадать желание через экран? Надеюсь, мои любимые будут всегда вместе!□

□Погодите-ка, разве режиссер Му не со специальности режиссуры и сценария в Университете Цинхуа?□

□Предыдущий оратор, это у него степень магистра, а бакалавриат он окончил в Чжунсане.□

□Ха-ха-ха, у вас что, аллергия на романтику? Нельзя ли перестать копать в чужих дипломах!□

В тот момент, когда начался звездный дождь, все закрыли глаза и загадали желания.

Му Сюйжу произнес: Вы ведь все загадали по несколько штук? Выберите одно и поделитесь.

Лу Цяньсуй заговорил первым: Надеюсь на процветание нашей родины, а нашему здоровью и счастью.

Бай Хуа двинула ему кулаком в плечо: Убью тебя, ты украл мое желание.

Все рассмеялись.

Ся Фэй сказала: Хочу, чтобы тираж нашего следующего альбома был в два раза больше

предыдущего.

Шао Юнь с улыбкой погладил её по волосам: Это само собой.

Наперебой зазвучали самые разные желания.

Когда очередь дошла до Вэнь Цзиняна, он немного подумал и произнес: Надеюсь, мой следующий фильм снова принесет мне награду за лучшую мужскую роль.

Лу Цяньсуй завопил: Погодите, вы все загадываете такое, из-за чего я выгляжу полным дураком! Но я ведь и правда загадал то же самое!

Вэнь Цзинян улыбнулся ему и ответил: Я тоже это загадал, просто ты опередил меня.

Ся Фэй тоже утешила его: Точно-точно, у всех нас есть хотя бы одно общее желание о родине.

Съемочная группа выкатила гриль, и участники мгновенно выбросили желания из головы, засучив рукава, принялись за дело.

Чжун Синжань пожарил две тарелки овощей: одну отнес девушкам, другую — Вэнь Цзиняну.

Вэнь Цзинян молча ел цветную капусту, как вдруг услышал, как тот, продолжая переворачивать мясо, спрашивает: Ты ведь только что не загадывал желание? Я видел, даже глаза не закрыл.

Вэнь Цзинян замер, но тут же нашелся: Ты ведь тоже не закрывал, иначе с чего бы тебе знать, закрывал я глаза или нет.

Чжун Синжань усмехнулся: А я загадывал с открытыми глазами, нельзя, что ли?

Какое желание ты загадал? — Вэнь Цзинян поднял на него взгляд.

Чжун Синжань кастетом кисти перевернул свинину и бросил на него косой взгляд: С какой стати тебе рассказывать.

Вэнь Цзинян умолк и снова опустил голову, продолжая есть капусту.

Чжун Синжань никак не ожидал, что тот не станет допытываться дальше, и от этого на душе у него даже заскреблось.

Ладно-ладно, скажи сначала мне: если бы тебя попросили загадать желание, что бы ты загадал? Тогда и я тебе отвечу, — с напускным великодушием произнес он.

Вэнь Цзинян доел всю шпажку цветной капусты, принялся крутить в пальцах бамбуковую палочку и хранил молчание.

Чжун Синжань взвыл фальцетом: Ой-ой-ой, только не надо делать вид, будто я тяну жилы из бедного человека! Ты же сам первый спросил, так почему бы мне не начать? Мое желание — устроить с пацанами всероссийский тур.

Вэнь Цзинян произнес: И всё? Вот так просто?

Чжун Синжань держал гриль одной рукой, а другую подставил под подбородок: Ничего себе просто, там столько подводных камней и хитросплетений. Ладно, я высказался, теперь твоя очередь.

...Ты правда хочешь знать? — нерешительно спросил Вэнь Цзинян.

Чжун Синжань настороженно посмотрел на него: Не будь свиньей, я же тебе всё выложил, так что и ты не смей утаивать.

Вэнь Цзинян спокойно ответил: Я хочу, чтобы моя мама больше никогда не болела.

Чжун Синжань машинально выдал: Твоя мама болеет?..

Он не успел договорить, как Вэнь Цзинян добавил: В следующей жизни.

Тот приоткрыл рот, но слова застряли в горле. Воцарилось тяжелое молчание.

Когда он раньше заглядывал на страницу Вэнь Цзиняна в Байдю, то пробежал глазами текст по диагонали — сведений о его семье там почти не было. Он и подумать не мог, что мать того уже скончалась.

Прости, я... не со зла. — Рука Чжун Синжаня крепче сжала ручку гриля.

Он неотрывно смотрел на Вэнь Цзиняна, боясь увидеть на его лице боль, но в то же время жаждавшая заметить хоть какую-то перемену эмоций.

Однако Вэнь Цзинян оставался абсолютно бесстрастным. Он не спеша вытер пальцы и выбросил салфетку вместе с бамбуковой палочкой в урну.

До самого конца вечера он больше не притронулся к той тарелке с овощами.

Этой ночью они, вполне предсказуемо, снова заняли первое место по очкам.

Вернувшись в отель, Чжун Синжань одним звонком поднял с постели засыпающего Ли Минмина.

Срочно скинь мне подробное досье на Вэнь Цзиняна, вплоть до того, сколько девочек в начальной и средней школе писали ему любовные записки, — потребовал Чжун Синжань.

Ли Минмин только прижался щекой к подушке и осоловело протянул: А?

Чжун Синжань с невозмутимым видом соврал: Я собираюсь устроить ему сюрприз на день рождения, мне понадобятся эти данные.

У любого человека с хоть какими-то мозгами возник бы вопрос: какая связь между сюрпризом ко дню рождения и тем, получал ли тот записки? К тому же до дня рождения Вэнь Цзиняна было еще очень далеко.

Ли Минмин почесал в затылке и виновато произнес: Но ведь у нас вся информация точно такая же, как в Байду. Его личное дело должно быть у директора Чжуна, мы не можем его достать. Вы же уже заставляли меня проверять его раньше, забыли что ли?

Чжун Синжань прищурился. Похоже, в прошлом Вэнь Цзиняна и правда крылся какой-то секрет. Больше всего его поразило то, что даже после свадьбы тот не открылся «себе же».

Ладно, я понял. — Он сбросил вызов, и на душе у него стало еще тревожнее.

Если мать просто умерла, разве это повод что-то скрывать? К тому же ему зачем-то понадобилось столько денег.

Чжун Синжань подложил руку под голову. Мысль о том, что даже при таких обстоятельствах Вэнь Цзинян ни разу не воспользовался его личными средствами, невольно принесла ему капельку утешения: по крайней мере, Вэнь Цзинян сошелся с ним вовсе не из-за денег, скорее всего, он...

Мысль «скорее всего, это чистая любовь» покрыла его тело мурашками.

Да ну к черту, какая к дьяволу чистая любовь между двумя мужиками, — поморщился он.

Ранним утром всех подняли на макияж и прически.

Сегодня им предстояло переехать на другую сторону острова, где были построены четыре новые виллы — по одной на каждую пару участников и для приема звездных гостей.

Причесать и накрасить парней удалось быстрее, чем девушек, поэтому они вышли наружу под навес и принялись ждать их.

Вэнь Цзинян только вышел наружу, как заметил болтающего с Лу Цяньсуем Чжун Синжаня. Тот был в пестрой рубашке, а солнцезащитные очки сидели на его лице так плотно, будто их приварили намертво.

Лу Цяньсуй рассказывал: В прошлый раз мы с Сяо Цзя записывали шоу, так он еще пытался затащить меня состязаться в выпивке, говорил, что у тебя зверская голова.

Чжун Синжань самодовольно скромничал: Да так, ничего особенного, обычная выносливость северянина.

Лу Цяньсуй оживился: Тогда как-нибудь вместе...

На середине фразы он заметил приближающегося Вэнь Цзиняна и тут же свернул тему, переключившись на него: Вы ведь тоже неплохо ладите с Сяо Цзя? Он о тебе отзывался исключительно в восторженных тонах.

Не успел Вэнь Цзинян и рта открыть, как Чжун Синжань нахмурился: Это в каких же тонах он отзывался?

Лу Цяньсуй издал неопределенное «э-э» и проглотил слова, готовые сорваться с языка. Он ни за что не рискнул бы озвучить пьяные бредни Цзя Бояня в духе «нет ничего вкуснее пельменей, нет никого краше чужой жены» — еще прибьет Чжун Синжань на месте.

Вэнь Цзинян загородился рукой от палящих лучей, но утреннее солнце жгло немилосердно.

Чжун Синжань бросил на него взгляд, а затем огляделся по сторонам.

Остальные были заняты своими делами и никто на них не обращал внимания.

Он небрежно сдернул с носа темные очки и швырнул их прямо Вэнь Цзиняну в руки.

Вэнь Цзинян читал сценарий и, неожиданно получив удар очками, удивленно поднял голову.

Чжун Синжань процедил с равнодушным видом: Надень. Кожа нежная, не хватало еще обгореть и сорвать съемки.

Вэнь Цзинян посмотрел на пудровую полоску, продавленную оправой на переносице собеседника, и на разницу в оттенках вокруг его глаз, которую гример отчаянно пытался замазать, после чего молча вернул очки назад.

Не нужно, спасибо, — вежливо ответил он.

Чжун Синжань терпеть не мог, когда кто-то отвергал его предложения, и тут же взвился.

Я к тебе со всей душой, а ты нос воротишь! Если облезешь на солнце — сам будешь виноват, — крайне недовольно бросил он.

Вэнь Цзинян подумал: уж лучше облезть на солнце, чем ходить с такой разницей в цвете лица, как у тебя. Ты сам-то считаешь красивым, когда белым осталась только кожа вокруг глаз?

Операторы принялись устанавливать аппаратуру, а Му Сюйжу принялся командовать съемочной группой.

В этот момент издалека к ним кто-то бежал.

Все на площадке были заняты своими заботами, поэтому никто не обращал внимания на эту фигуру, пока человек не подлетел ближе и с разбегу не повис на шее у Вэнь Цзиняна.

Невестка! Я прибыл! — зычным голосом завопил Цзя Боянь.

Вэнь Цзинян совершенно не ожидал такого нападения: перед глазами у него потемнело, и он мгновенно оказался затянут в высокие крепкие объятия.

В следующую секунду он почувствовал, как его запястье резко дернули назад, и мир снова озарился светом.

Перед ним стоял парень чуть выше ростом, с выкрашенными в платиновый блонд волосами и невероятно красивым лицом правильной формы, на котором сияла донельзя жизнерадостная улыбка.

Соколиные брови, выразительные глаза, а когда он улыбался, под ними отчетливо проступали припухлости мешочков-вога. При росте за метр восемьдесят он умудрялся производить впечатление какого-то ребенка.

Цзя Боянь улыбочиво уставился на него, перехватил другую его руку, наклонился и чмокнул собственный большой палец: Давно не виделись, как же я скучал, невестка.

Пусть до руки Вэнь Цзиняна тот губами не дотронулся, но Чжун Синжания этот цирк вывел из себя мгновенно.

Тебе любви недодали? — свирепо зыркнув на Цзя Бояня, процедил он.

Все вокруг перевели на них взгляды, и в тот момент, когда собравшиеся уже ждали, что Цзя Боянь начнет извиняться, этот наглец резко сменил выражение лица, спрятался за спину Вэнь Цзиняна и принялся жаловаться: Невестка, он на меня злится, ты не усмиришь своего муженька?

Вэнь Цзинян: [...]

Вот они, дружки Чжун Синжания — такие же круглые дураки, как и он сам.

<http://bllate.org/book/21211/2146676>